

ГЛАВА 3. ГРАЖДАНИН В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

3.1. Культурно-исторические основы ментальности современных россиян

Исходный уровень политической культуры россиян составляют политико-правовые аспекты повседневной, практической ментальности массового индивида, сформировавшиеся исторически, на протяжении жизни нескольких поколений людей. Сюда относятся устойчивые способы восприятия правовых и политических явлений, опирающиеся на определенную иерархию ценностей, архетипы коллективного бессознательного, которые трансформируются в определенные стереотипы мышления, поведения и деятельности. В понимании ментальности мы принимаем подход А. Я. Гуревича, который определяет ментальность как определенный уровень индивидуального и общественного сознания, или картину мира, то есть совокупность представлений о себе, социуме, общественной истории и т.д. Другими словами, это «изменчивая и обнаруживающая устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [Гуревич 1989: 454–456]. Существуют разные типы ментальности – религиозный, национальный, номенклатурно-бюрократический и т.д. В рамках французской исторической школы «Анналов» термин *ментальности* (мн. ч.) означал общие характеристики индивидов, живущих в пространстве одной культуры, но имеющих различные ментальности в силу принадлежности к различным социальным слоям. Ментальность включает следующие структурные элементы: 1) когнитивную сферу сознания (знания, воззрения, верования, чувствования), которыми обладает данная общность людей; 2) определенную иерархию ценностей, доминирующие потребности, архетипы коллективного бессознательного; 3) стереотипы мышления и поведения людей, детерминирующие специфику реагирования индивидов и общностей конкретной эпохи на события и процессы окружающего мира; 4) знаково-символические формы выражения. Ментальность представляет собой не только результат самоидентификации, то есть отнесения себя к той или иной этнической или иной социальной общности, но и определенные знания о своей нации (нации, группе), его характерных чертах, культуре, языке, территории проживания, истории. В ментальности соединены рациональная и эмоциональная сфера деятельности человека в процессе ос-

воения, потребления и воспроизводства им культуры. Ментальность характеризуется эмоционально окрашенным отношением к труду, частной собственности, семье, государству, политике, праву, религии и т.д. Характерными чертами ментальности являются, во-первых, ее неререфлектируемость и стереотипичность проявления, которые связаны с подсознательным характером реагирования; а во-вторых, высокая устойчивость, неподатливость воздействию со стороны социальных институтов. Однако устойчивость во времени сочетается в ментальности со свойством изменчивости, идущим от связанности с эмоциональными реакциями на социальные изменения.

Правовые и политические аспекты ментальности тесно взаимосвязаны, поскольку нормы права являются существенной частью политической культуры любого типа. К тому же зрелость исторической дифференциации политики, права и морали в качестве обособленных сфер общества и форм осознания этих процессов в прошлом и настоящем России проблематична. Знаково-символические элементы политической культуры и ментальности составляют их основу, поэтому важен анализ значений и смыслов слов, воплощающих в себе ценностные установки и иные элементы ментальности людей.

В целях исследования степени развития правового и политического сознания современных россиян важно рассмотреть исторические и актуальные значения и смысл основных концептов, лежащих в основе российской культуры и ментальности. Концепт «Закон» в русской духовной культуре в словаре В. Даля определен следующим образом: «Закон – предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти» [Даль 1998: I, 1469–1470]. *Закон* как предел – ядро концепта «Закон» в русском сознании, видимое в этимологии слова и его употреблении, в том числе и в воровской жизни (как воровской, неписаный закон), и в современном общем употреблении (беспреддел – «полное беззаконие; произвол; развал общественного порядка и власти»). Противоречивость и нерасчлененность политических, правовых, нравственно-религиозных аспектов в массовых представлениях о законе ярко видна в пословицах, приводимых В. Далем: *Воля царя – закон; Не будь закона, не стало б и греха; Где закон, там и преступленья; Держи суд по закону; Дураку закон не писан; Нужда закона не знает; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; То-то и закон, как судья знаком; Законы святы, да судьи супостаты; Закон – дышло: куда хочешь, туда и вышло; Где закон, там и обида* и другие. Некоторые из пословиц сохранились в языке до сего дня.

Концепт «Закон» существует в трех различных сферах культуры, отсюда три его основных значения: 1) закон юридический, 2) закон божественный (христианский), а также нравственный, 3) научный закон¹⁵. Во всех этих сферах *закон* мыслится именно как «предел», за которым лежит иная сфера жизни или духа. Следовательно, *закон* – не то, чему подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некая граница внутри более широкой сферы. Взгляд «из-за», «с той стороны» этого предела, неподчинение пределу – основная черта этого культурного концепта. В понятии «закона юридического» эта черта проступает, во-первых, как понятие «закона совести». Поэтому нравственность, идущая от божественных заповедей, нравственного абсолюта, здесь выше формализма юридического закона. Во-вторых, основная черта данного концепта выражается через понятие «харизматической личности», следовать образцу поведения которой более нравственно, чем исполнять букву юридического закона. В-третьих, – как особенное русское отношение к преступникам как к «несчастливым». В понятии «закона божьего» эта черта принимает вид типично русского двоеверия, переплетения языческой и православной веры, а также она проявляется в противопоставлении «ночной» и «дневной» культур (по Г. Флоровскому). В понятии «закона науки» эта черта выражается в виде протеста против «объективных» законов, открываемых и устанавливаемых наукой в естественной и общественной жизни.

Рассмотрим этимологию данного концепта. Русское слово *за-конь* происходит от *конь* «начало» и «конец», первоначально, вероятно, *кол* для разметки земельного участка, *кон* – это граница между «началом» и «концом», а *закон* – это «предел». С этим значением связаны и производные понятия: «преступник» – тот, кто пре-ступил положенный предел; «враг» – тот, кто находится за пределами «мира своих», за пределами рода, общины с ее обычаями (законами) и традициями; «изверг» (изгой) – тот, кто извергнут, отринут общиной и уподобился дикому зверю.

У древних греков у слова «закон» было два понимания. Термин *тесмос* означал неписаное установление, освященное давностью; это то, что положено, указ; это закон, установленный богами, священный закон. *Тесмос* означал часто законы Дракона (VII в. до н.э.) – записанные древние правовые обычаи. Термин *номос* означает закон, установившийся на практике, по обычаю, сам обычай, и закон, созданный и написанный людьми. Термин *номос* закрепился за законами Солона (VII–VI вв. до н.э.). В Древнем Риме термин *lex* «закон» первоначально означал всякое правило, установленное римским гражданином (*civis*) для себя или в про-

---

¹⁵ Данный концепт мы будем раскрывать в опоре на исследования Ю. Степанова: [Степанов 2001].

цессе сделки со своим партнером (при договоре, завещании и т.д.), – то есть как норма частного права. Затем появилось значение «общее предписание государства», то есть нормы публичного права, освященной религиозной клятвой. Высший этап развития римского концепта «закон» – значение «то, что приказывает и устанавливает народ, «*populus romanus*» [Бартошек 1991: 178-179], – стало образцом, моделью законодательства.

В славянской культуре понимание понятия «закон», близкое греческому *номос*, содержится в Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.). В отличие от греческого «номос», славянское понятие закона соединяет в одном слове юридический и бытовой («привычный образ жизни, обычай») смыслы. В Русской Правде (X–XI вв.; XIII в.) встречается два термина – *закон* и *покон*. *Покон* – «начало; обыкновение, обычай; нрав; предания; пошлина». Концепты «Закон» и «Обычай» в славянских языках соединены в одно целое.

Исходная черта русского понятия «закон» – его формальная невыработанность, неопределенность – в какой-то степени сохранилась до нашего времени. В европейской культуре понятию «закон» противостоит понятие «беззаконие». В русской ментальности «закону» противопоставлено не только «беззаконие» как нечто негативное, но и нечто позитивное, возвышающееся над законом. За, или над сферой закона существует еще некая сфера добра, совести и справедливости (правды). Наличие этой не официальной, не регламентированной, не формальной сферы, противопоставленной закону, и есть особенность русской ментальности. Представления о двух противоположных сферах – некая нерасчлененная, многослойная, мозаичная, устойчивая целостность.

Первый и главный слой ментальных представлений о законе составляет противопоставление формальному, юридическому закону *правды* – внутренней справедливости, чувствуемой, знаемой в душе, то есть совести. Смысл концепта «Правда» выявляется при сопоставлении с концептом «Истина». Еще один слой концепта «Закон» – понятие «Осужденного как несчастного». Третий слой народной ментальности образует противопоставление формальному закону харизматической личности.

Но что означает слово *правда*? В паре противопоставленных в русской культуре слов *Правда* и *Истина* концептуализирована своеобразная духовная ценность. У других европейских народов им соответствует одно слово со значением «истина». В. И. Даль зафиксировал различие правды и истины в русском общественном сознании: «Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правота. Истина от земли (дос-

тояние разума человека), а правда с небес (дар благодости). Истина относится к уму и разуму; а добро или благо (т.е. правда) – к любви, праву и воле» [Даль 1998: II, 140]; «Правда – истина на деле, истина во образе, во благе: правосудие, справедливость. Творите суд и правду. Стоять за правду» [Даль 1998: III, 985].

Противопоставление правды-истины и правды-справедливости можно истолковать как различие истины рациональной (юридической, философской) и истины чувственной, практической, истины поведения. В толковании В. Даля истина связывается с земным, преходящим, а правда – с небесным, вечным, поскольку православие связывает понятие «правда» с «божественным нравственным законом». До недавнего времени в русском сознании *истина* связывалась, скорее, с вечным и неизменным, а *правда* – с земным, изменчивым, социальным; истина для всех одна, а правда у каждого своя. Признак «божественный закон» вытесняется признаком «научная истина». Истина объективна, а правды – субъективны. Новое противопоставление первым сформулировал Н. А. Бердяев, истина у него понималась как научно обоснованное: «...русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, “правды-истины” и “правды-справедливости”. Но сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя ее» [Бердяев 1991: 29].

Однако в эпоху современных информационных войн и технологий манипуляции общественным мнением разобраться с тем, что истинно, а что ложно и что есть правда, представляется запредельно сложным. Момент относительности истины, ее детерминации экономическими и социально-политическими интересами тех или иных политических акторов становится весьма значимым.

Изучение этимологии слов *истина* и *правда* показывает следующее. Древнерусское прилагательное *истъ* первоначально означало «соответствующий определенному ритуалу (религиозному или правовому); правильно, по правилам, сказанный или совершенный; соответствующий порядку и закону» [Степанов 2001: 439]. Разница в европейском и русском понимании истины определяется влиянием политических и правовых институтов и условий на этот концепт. В европейских языках понятие истины близко понятию семейной и затем частной собственности, узаконенной обществом и государством, в русском языке такого сближения не произошло, здесь истина была связана с социальным ритуалом публичного признания, которое затем было монополизировано государством. *Правда*

произведено от прилагательного *правъ* – «правый», «прямой» и «правильный», а также «честный, праведный, поступающий по совести». Русское *правда* противопоставляется *кривде*, причем *правда* – следование прямой линии, а «кривда» – уклонение от прямой. «Правда» концептуально родственна концепту «Прямой», а «кривда, неправда» – концепту «Зло, злой». «Неправда, кривда» в предыстории оказывается родственной «злу», а «правда» – «добру» и «радости» [Степанов 2001: 443].

В русских словах *правда* и *истина* воплощено и предзадано двоякое понимание «истины»: 1) как «закона, положенного человеку извне, в виде предписаний, правил, ритуала», – истина, и 2) как «образца поведения, как нормы, исходящей изнутри человека», – правда. Носителем истины является установленный порядок, закон; носителем правды – образцовый человек, за которым можно следовать по внутреннему побуждению. У В. Даля под словом *правда* есть значение «праведность, законность, безгрешность». В. Даль говорит, что «правда – это истина на деле, истина во образе». Правда – небесная, вечная, а истина – земная. «Дело», «образ» единственны, это дело и образ Христа, они «с небес» и «вечны». Отсюда доверие к небесной (от Бога) и/или внутренней правде (Совести) и недоверие к истине как земному установлению человеческого (ограниченного) разума, к истине и закону от властей.

В современном русском языке *истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а также общие суждения, правила, а *правда* – конкретный случай и частные суждения о событиях и фактах. В русском языке два слова *правда*: 1) имя существительное, именующее особую сущность, 2) предикатное слово, означающее лишь признак «истинности» какого-либо высказывания. В современной русской культуре «Правда – Истина» – один из важнейших мотивов или констант. *Правда* противопоставляется преступлению, поскольку *правда* понимается как праведность, справедливость. Во всех европейских культурах преступление противопоставляется законности и правосудию (во франц. Justice «справедливость», «правосудие», «судебное ведомство»). Но только в русской культуре «справедливость» соединяется с внутренним убеждением, с «правдой» и включается в поле «истины». Во французском языке «справедливость» подводится под слово «закон, законность, правопорядок», а в русском – под слова *правда* и *истина*.

В русском слове *правда* совпадают два значения: правда как объективная истина и правда как внутренний закон, справедливость. Это явление по-разному осмысливалось в XIX в. В раннем славянофильстве появилась мысль о различиях законов как «искусственных формальностей», как в римском праве, и как естественных отношений, основанных на

«внутренней правде». Основную тенденцию древнерусского права И. В. Киреевский выражал так: «Внутренняя справедливость брала в нем перевес над внешнею формальностью» [Киреевский 1852: 48]. В понимании законности русские проявляли тяготение к внутренней убежденности в правоте, к внутренней справедливости, а не к внешней, юридической «формальности», как у европейцев. «Справедливость» у русских не соединялась с «юридической законностью», наоборот, отталкивалась от нее и противопоставлялась. Максимой русской жизни являлось выражение «Не по закону, а по совести». Совесть в данном случае осознавалась в качестве внутреннего закона, противоположного внешнему, юридическому закону. В современной философии морали считается, что русская культура регулируется ориентацией на этический образец, на «харизматическую» личность, а не на юридическое законодательство. Об объективной правде-истине и о субъективной правде-справедливости, выражающих двойственность слов и духа русского народа писал и основатель народничества Н. К. Михайловский [Михайловский 1897: 384]. Понятие «правда» у него оказалось связано с понятием «гражданственности, гражданской позиции» писателя и ученого. Так родилась идея, впоследствии получившая название «партийности» науки и искусства. Специфически русское соединение истины и справедливости, понимаемое свободно в своих истоках, эволюционировало и воплотилось в двух концептах – «Судебного произвола» и «Партийности».

В начале XX в. об опасности отождествления истины и правды, связанной с общественной позицией интеллигенции, предупреждал Н. А. Бердяев. Он писал о претензии русской интеллигенции быть «носителем правды» в отношении к философии и другим сферам культуры. «С русской интеллигенцией в силу ее исторического положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть школа любви к истине... Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья... Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, ... долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [Бердяев 1991: 17–18]. Н. А. Бердяев призывал признать, что «буржуазная» наука и есть настоящая, объективная наука, а «субъективная» наука народников и «классовая» наука марксистов больше напоминают особую форму веры. В таком отношении ин-

теллигенции к истине сказала «бессознательная религиозность». Роковую роль в этом сыграло народническое мирозерцание, объединившее идеологию и религию и осуществившее подмену и вытеснение истины разума истиной веры.

Понятие «партийности» стало производным от концепта «Правда и истина». В статьях В. И. Ленина (« Партийная организация и партийная литература» и др.) провозглашалась необходимость подконтрольности партийной литературы и социал-демократического движения партийным организациям и программе партии, высказывалась мечта о «связи» художественной литературы с пролетариатом, о необходимости ее «службы идеям социализма». Ленинский принцип партийности в качестве «социального, классового заказа» художнику неуклонно утверждался в советской действительности.

В результате развития концепт «Истина» оказался близким, почти тождественным концепту «Социальная справедливость». Исходная двойственность концепта «Истина и правда» периодически приводила к таким явлениям в русской истории, как сакрализации царской власти в Московской Руси, к принудительной реализации принципа «православие, самодержавие, народность» в Петербургской империи, к подмене реальности идеологией, монополизирующей и освящающей власть партийной номенклатуры в Советской России. Тенденции наделения православия статусом государственной идеологии, освящающей действующую власть, присущи и постсоветскому времени.

Значение понятия «закон» в христианский период фиксируется в Остромировом Евангелии. В старославянском и древнерусском языках понятие «законъ» связано с понятием «заветъ», слова *законъ*, *завет* и *заповедь* в повседневном обиходе являются синонимами. Христианское, новое учение – это именно завет, «договор Бога с человеком», в котором наивысшее значение имеет внутренний дух. Такое понимание свойственно древнейшему переводу Остромирова Евангелия, где греческое слово *номос* (законъ) используется в значении «свидетельство». Эта часть содержания учения Христа послужила в дальнейшем основой появления протестантизма. «Завет – все, что завещано, свято наказано, заповедано; зарок, обет, обещанье, договор, условие и основанный на нем союз. Ветхий и Новый завет Св. Писания, Моисеев и Христов, наказания Господни, на которых основан союз с Ним» [Даль 1998: I, 1469–1470]. Но в обиходном употреблении значения этих слов несколько иные. Наиболее общим словом стало *закон* как синоним слова *вера*: закон христианский, иудейский, магометанский. *Заповедь* приобрело узкое значение «предписания» поведения в рамках «закона» (например, Десятисловие в Законе Моисея) или

«завета» (например, заповеди о блаженстве в Нагорной проповеди Иисуса Христа). *Заповедь* – это богопочитание, обрядность (в иудаизме), нравственные нормы (в православии).

Еще одна линия развития концепта «Закон» – концепт «Нравственный закон». Выражение *нравственный закон* в современной российской жизни почти не употребляется, между тем оно выражает основное ядро концепта «Совесь, нравственный закон, мораль». Понятие «нравственный закон», связанное с христианским законом Господа, в массовых представлениях было опорочено советскими идеологами, оно было заменено «моральным кодексом строителей коммунизма», которое в свою очередь было дискредитировано советской действительностью. Содержание православного нравственного закона наиболее отчетливо раскрыто С. Н. Булгаковым. Это «деонтологическая этика» в очень строгом, религиозно-аскетическом, монашеском варианте. «...православие не знает автономной этики... Этика для православия религиозна, она есть образ спасения души, указуемый религиозно-аскетически. Религиозно-аскетический максимум здесь достигается, поэтому, в идеале монашеском, как совершенном следовании Христу в несении креста своего и самоотречения. Высшие добродетели для монашества суть достигаемое через отречение своей воли, смирение и хранение чистоты сердца... Православие не имеет разных масштабов морали, но употребляет один и тот же масштаб в применении к разным положениям в жизни. Оно не знает и разной морали, мирской и монашеской, различие существует лишь в степени, в количестве, но не в качестве. Можно в этом прямолинейном максимализме монашеского идеала видеть нежизненность и мироотреченность православной морали, которая оказывается безответна перед вопросами практической жизни в ее многообразии. Поэтому может казаться, что преимущество оказывается здесь на стороне гибкого и практического католицизма с его двумя моральями, для совершенных и несовершенных (заповеди и советы), так же как и протестантизма с его мирской этикой повседневной честности. Нельзя отрицать, что всякий максимализм труднее минимализма и в своих неудачах и искажениях может вести к худшим последствиям. Однако негибка и максималична сама истина, которая терпит неполноту своего осуществления, но не мирится с умалением и полуистинами. Христианский путь есть путь узкий, и нельзя его расширить... Монашествование есть не единственный и, во всяком случае, далеко не всегда труднейший путь делания заповедей Христовых... Каждый должен быть монахом или аскетом в сердце своем» [Булгаков 2001: 324-326].

От древнерусского периода до наших дней в русском концепте «Закон» доминирует понятие «предела», это единое основание для органиче-

ского сочетания закона юридического и закона божественного. Закон божественный есть «предел», положенный Богом воле человека свыше. Эти два значения слова *закон* в основных русских словарях встречаются в сочетании друг с другом. Третье значение слова *закон* – нравственный, или моральный закон. Таким образом, концепт «закон» имеет три основные значения: 1) правило действия; 2) образ Богочитания – правила обрядовых действий, или вера (неотличимая от обряда); 3) естественный (Божественный) закон, нравственный Божественный Абсолют, присущий совести человека.

Закону Божественному, как и юридическому закону, в русской душе находится некая оппозиция, но оппозиция форме закона, но не его духу. Даже в этой области в русской культуре за пределами закона остается еще пространство духовной свободы. В этом пространстве Бог не отрицается, но в отношении обрядности у части россиян есть чувство протеста, стремление к свободе выбора. В противостоянии формальности, «букве» закона – одна из существенных черт особого русского двоеверия. Внутреннее чувство (ощущение духовной свободы) противопоставляется формальности закона. Альтернатива «по закону или по совести», будучи исторически и культурно устойчивым стереотипом мышления и поведения людей, сохраняет свою актуальность и в наши дни. В русской ментальности ощущается предел и для научного закона, им является пренебрежение к закону науки. Свобода воли – вот главный предел божественному закону; воля к страданию – это и есть внутреннее духовное пространство за пределами закона. Воля, противостоящая разуму и проектам благоденствия, воля, способная обращать человека не только к разумным целям, но и к страданиям – тема, глубоко разработанная Ф. М. Достоевским («Идиот», «Записки из подполья», «Бесы» и др.).

Закону в русской ментальности противостоят две стихийные силы. Первая сила действует изнутри человека – в виде его воли не только к добру, когда нравственный выбор совершается на основе Абсолютного закона Нравственности, данного Богом, но и ко злу, или страданиям, когда человека изнутри обуревают либо бессознательная природная стихия, либо сознательный протест против законов нравственности, веры (атеизм, нигилизм), разума или природы. Вторая сила действует на человека извне как безликая, бессмысленная стихия природы. За пределами закона в русской ментальности существует свободное внутреннее пространство оппозиции закону Божескому в формальном его выражении, то есть обрядности, церковности. Эта оппозиция воплотилась в особом русском двоеверии. Выражение двоеверия через противопоставление «дневной» и «ночной» культур характерно для Г. Флоровского. С введением христианства

на Руси слагались две культуры: ночная (языческая), носителем которой было народное большинство, и дневная (христианская), культура меньшинства. «Грань между этими социально-духовными слоями всегда была подвижной и скорее расплывчатой. Ее постоянно размывало... с двух сторон. Но не в полной независимости раздельность слоев. Важнее различие духовных и душевных установок». «Дневная» культура была культурой духа и ума, это была и «умная» культура; и «ночная» культура есть область мечтания и воображения. Внутренняя динамика культурной жизни всегда определяется взаимодействием таких установок и устремлений. Болезненность древнерусского развития состоит в том, что «ночное» воображение слишком долго и упорно укрывается и ускользает от «умного» испытания, проверки и очищения» [Флоровский 1991: 3]. Само различие дневной и ночной культур – это одна из констант русского менталитета. Константы, как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании.

Двоеверие есть наличие в обществе двух систем законов, христианского и языческого, прежде всего, а также и иных каких-либо двух идеологических систем. Двоеверие – явление не чисто психологическое, а социальное, это некое постоянное состояние русского общества, при этом соотносимые «веры» могут меняться. «Двоеверие» в наши дни сменяется «двое-» или «многостилием». В разных ситуациях человек избирает разные «стили поведения», представая в качестве «разных социальных личностей». Двоеверие в русском языке проявляется как его «двуипостасность», как наличие в языке элементов народной русской речи и церковно-славянского языка. Двуипостасность – явление социальное, с одной стороны, и ментальное, с другой, поскольку русская народная речь связана с повседневной жизнью, с материальным миром, а церковнославянская – с миром духовным.

В концепции Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана двоеверие предстает как основа дуализма, «дуальности» или «двукультурности» русской культуры и в прошлом, и в настоящем. Культура распределена на две сферы: 1) христианскую, «чистую», к которой относится «чистое» пространство, «чистое» время, «чистые» ситуации и «чистое» поведение людей в данных ситуациях (в христианских обрядах); 2) языческую, «нечистую», к которой относится все противопоставленное первому ряду. «Двукультурность», выраженная в русском языке, проявляется в наличии двух языков – церковнославянского языка, употребляющегося регламентированно, и русского [Успенский 1979; Лотман, Успенский 1977 и др.]. В контексте общеевропейской культуры тех эпох культурное двуязычие – типологическая черта великих языков европейских цивилизаций, в том числе и рус-

ского. Двухязычие выражало не только социальные аспекты языковой организации общества, но и отвечало некоей глубокой ментальной потребности всех людей в обществе, независимо от их социальной принадлежности и уровня образованности. Поэтому двухязычие – глубокая архетипическая черта индоевропейской культуры, один из ее архетипов.

Идея «двух языков» принимает различные формы и ипостаси: как различие «языка богов» и «языка людей»; как различие слов, именующих различные сущности – «небесные» и «земные»; как «два языка самих людей», на одном из которых люди говорят о «явлениях», а на другом о «сущностях»; как звучащий язык и «язык молчания» в исихазме Нила Сорского; как «язык науки» и «вещный язык» у представителей логического позитивизма XX в. и мн. др. Постигая устройство языка, мы многое узнаем об устройстве мира. В языке до нас запечатлено многотысячелетнее познание мира. Мир и его отражение в языке – нечто единое.

Концептуализация осуществляется через парные оппозиции терминов. Все парные оппозиции терминов могут быть обобщены следующим образом: в поле «Святое, священное» противопоставляются, с одной стороны, «обладающие этим качеством по самой своей природе, по сущности, следовательно – от богов» и, с другой стороны, «наделенное этим качеством в силу человеческого действия, произведенного “по правилам”, “по ритуалу”»; главный признак такого действия – отделение «священного» от «профанного», отделение неприкасаемого «мира богов» от «мира людей».

Известно, что русская культура носит сильно выраженный дуалистический характер. Двойственность «осязаемого» мира – константа, принявшая в христианстве вид противопоставления «святого» и «скверны», продолжила более раннее представление о строении мира: святой, «верхний» мир противопоставляется «нижнему», «подземному», как «рай» «аду». Общее представление о дуализме мира очень резко и полно выражено в манихействе. В современной русской жизни дуализм манихейского типа, как равносильное противостояние в мире Добра и Зла, Бога и Сатаны, находит многих сторонников, часто на уровне бессознательного.

Двойственность русской культуры касается и политико-правовых ее аспектов. В русской культуре и массовом сознании не произошло отделения истины юридической от истины нравственно-религиозной, рациональной от чувственной и т.д., – правды от истины. Исходный синкретизм распался на противопоставленные пары слов (понятий), и это состояние культуры и ментальности во многом сохраняется и в наши дни.

«Русское гражданское право как в своем историческом развитии, так и в современном состоянии, в противоположность римскому и новому западноевропейскому, характеризуется неопределенностью форм граждан-

ско-правовых отношений и, особенно, невыработанностью отдельных правомочий и обязанностей, связываемых, для отдельных лиц, с наличием между ними того или другого отношения (субъективных прав и обязанностей, как говорят юристы). Это стоит в прямой связи с историческим складом русского гражданского общества и отношением его к власти, определявшей и определяющей теперь формы проявления правовой жизни (источники права)», – такие выводы были сделаны в XIX в. [см.: Брокгауз–Эфрон 1898: 512–517]. Константой, или характерной чертой русской жизни, является незнание каждым отдельным гражданином основных законов государства, одной из причин этого являлась недоступность населению текста законов. Полное собрание законов впервые было издано лишь в 1832 г. Законодательные акты еще в XIX в. публиковались в разных номерах «Сенатских ведомостей». Законодательство, главным образом состоявшее в Высочайших указах и повелениях, сообщавшихся лишь подлежащему ведомству, для населения фактически было почти недоступным. Это лишь одна из причин неисполнения населением (и чиновниками на местах) законов, скептического к ним отношения, вообще неразвитости юридического сознания, дошедшая к середине XIX в. до правового нигилизма. Еще одна причина – инстинктивное представление народа о том, что не всякое, даже официальное волеизъявление монарха, независимо от его содержания, является законом. Публичное право оставалось произволом монарха.

В. М. Гессен писал о том, что и в теории, и в практических отношениях отсутствуют «определенные представления о необходимом материальном содержании законов», о принципиальном различии содержания законов и правительственных актов [Гессен 1911: 158]. Эта черта русской системы права, пройдя через XIX–XX вв., сохранилась до настоящего времени. Юридическая и публицистическая литература полна свидетельств о том, что законы часто носят декларативный характер и не предусматривают жестких и финансово обеспеченных механизмов их выполнения, а юридическая практика не соответствует законам, законы не исполняются и подменяются ведомственными актами.

В советское время отождествление закона и правительственных актов, в качестве которых выступали решения ЦК КПСС, то есть отождествление партийной и государственной власти, повлекло за собой прямую редукцию права исключительно к праву позитивному. Причем под позитивным правом понималось исключительно государственное право, поглотившее и отрицающее право частное, гражданское. С этим тесно связан и процесс поглощения общества государством-партией, государством-партноменклатурой, и процесс идеологизации общественных отношений.

Декларативность Конституций и законов (напр. Гражданского кодекса 1964 г.), их оформительский характер по отношению к фактической силе актов ЦК КПСС, ведомственных инструкций и подзаконных актов, приобрели устойчивый исторический характер, составляют наследие для постсоветской правовой теории и реальности. Это представление о тождестве закона и актов власти стало свойством не только законодательства и правовой практики, но и нормой повседневности, что зафиксировано в «Словаре русского языка в 4 томах»: «Закон. – 1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [Словарь... 1981: 169].

Возможным объяснением причин этого свойства российского права является следующее. В истории русского права вместо обособления закона от обычая, произошло, с одной стороны, вытеснение и замещение обычая указом государственной власти, а с другой – отождествление указов власти и закона. Указы (приказы, распоряжения партийной власти) подменили собой и обычай, и закон (повседневные, привычные правоотношения и нормы права). Указ, приравненный к закону как явлению позитивного права, опирался в основном на административные ресурсы и рычаги (принудительные рычаги его реализации, принудительной силой обладала и идеологическая пропагандистская машина, воздействующая на общественное сознание), а не на юридическую практику. Система юридических органов, не обладающая независимостью, была частью административной (исполнительной) власти, а последняя соединяла в себе функции и законодательной, и судебной власти. По сути, и сейчас мало что изменилось. Поэтому указ даже не предусматривал юридического механизма его воплощения, как и экономического. Административное внеэкономическое принуждение подменяло собой все иные формы реализации решений. Указ, рассматриваемый в качестве закона, подразумевал реализацию силой принуждения, а не силой осуществления норм права в общественных отношениях.

Актуальный признак концепта «Закон» в юридическом аспекте – это «нормативный акт, принятый высшим органом власти в установленном конституцией порядке, обладающий высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам (указам, постановлениям и др.). Основным источником права в современном обществе» [Советский... 1989: 451]. Такое понятие о законе присуще лишь части россиян. Ментальность большинства населения фрагментарна, эмоциональные оценки явлений превалируют над рациональными. Отношение к закону и праву в целом неотделимо от отношения к власти, юридические знания недостаточны и смешаны с моральными суждениями. Массовая ментальность представля-

ет собой многослойное образование, в котором один над другим надстраиваются по большей части слабо рационализированные комплексы представлений и ценностей разных исторических эпох и идеологических ориентаций.

В ментальности части россиян существуют либеральные представления, ценности и установки, но они трансформируются под воздействием более устойчивых традиционных идеологических установок. Важная черта – слабость мотивации людей к реализации либеральных ценностей в собственной жизни и деятельности. Традиционализм (с патриархальным образом государственной власти, с его этактистской и эгалитаристской установками и уравнивательной психологией) соседствует с консерватизмом государственно-социалистического типа (ориентацией на коллективистские ценности, на государственный патернализм, культ персонифицированного государства, с готовностью обменять экономическую и иную свободу на порядок и материальные блага, устанавливаемые и распределяемые централизованной вершиной иерархической вертикали). Отмечается некоторое усиление русского национализма в жизни и сознании населения России в его разновидностях – патриархальном и имперском национализме. Скорее всего, это управляемый силовыми структурами процесс.

Ментальность населения, с традиционной склонностью к утопии, в немалой степени подвержена манипуляции со стороны политической элиты. Последняя сознательно консервирует и внедряет иначе названные, но по сути архаические стереотипы мысли, чувства, настроения и действия: священности государственной власти, ее союза с православной церковью, скрытого превращения православия в национально-государственную религию, воспроизводство мифа «государство – большая семья», духовного единства народа и государства, стремления заменить правовые нормы моральными ценностями, отношения государства и индивида не как соглашения граждан и власти о строгом соблюдении законов, но как молчаливого сговора о безнаказанности обеих сторон при их нарушении, взаимного попустительства. При этом степень безответственности административной власти безусловно выше, это не только реальный факт, явление судебной и иной практики и ментальный стереотип. Ответственность бюрократии за решения и действия, нарушающие права граждан или причиняющие непреднамеренный ущерб экономике, слабо представлена законодательно. Стереотипы традиционной политической культуры воспроизводятся даже при проведении модернизационных реформ: антисоциалистическая по содержанию приватизация госсобственности активизирует традиционную в России систему власти-собственности, политическая власть является условием личного обогащения. Несмотря на кампанию по